

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Артемовой Ольги Аркадьевны, доктора психологических наук, доцента, профессора кафедры общей психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» о диссертационной работе Богданчикова Сергея Александровича «Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.», представленной к защите в диссертационном совете 24.1.110.02 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт психологии Российской академии наук» на соискание ученой степени доктора психологических наук по научной специальности 5.3.1. – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Актуальность темы диссертационного исследования связана с тем, что становление советской психологии в 1920-1930 гг. является важным этапом развития психологического познания. Понимание детерминант, динамики и закономерностей развития отечественной психологии в этот период революционных преобразований в стране и открытого кризиса в мировой психологии позволяет расширить представления о путях, достижениях и теоретико-методологических ориентирах советской психологии, об особенностях научной деятельности советских психологов, об организации и самоорганизации научного психологического сообщества в СССР.

Научная новизна полученных результатов обусловлена тем, что впервые на современном этапе развития науки предметом диссертационного исследования выступает история становления советской психологии. Диссертантом выделены основные историографические подходы («концепции») к описанию становления советской психологии, имплицитно содержащиеся в работах отечественных исследователей; проведен их критический анализ.

Впервые на конкретном эмпирическом материале, прежде всего, научных дискуссий показано, что становление советской психологии как самобытного научного направления происходило в 1920-е гг. в процессе «трансформации» не только от объективной психологии к психологии марксистской, но и от

критиковавшейся субъективной психологии – к психологии марксистской. Кроме того, по результатам анализа основных событий и достижений советской психологии 1930-х гг. описана тенденция «трансформации» марксистской психологии – в психологию советскую. Таким образом, в диссертации эмпирически обоснованно легализуется значение достижений субъективной отечественной психологии начала XX века для становления марксистской и далее – советской психологии.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ней впервые в современной отечественной психологии поставлена и решена задача разведения историко-психологических понятий «советская психология», «марксистская психология» и «психологическая наука в СССР», определены отношения между ними. В рамках специального историко-психологического исследования на обширном материале исторических источников, в том числе введенных в научный оборот самим диссертантом, проведена реконструкция становления советской психологии как самобытного научного направления психологии в период 1920-1930-х гг.

Практическая значимость работы связана с тем, что материалы и результаты диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании истории психологии, при подготовке соответствующих учебных и методических пособий. Уже представлены диссертантом в учебных пособиях «Становление советской психологии (1920-1930-е годы)» (2020) и «Очерки источниковедения истории советской психологии» (2021). Они же могут стать основой для электронной базы данных о становлении советской психологии, а также истории советской психологии в целом.

Обоснованность и достоверность научных положений, выносимых на защиту, результатов и выводов обеспечивается качеством и глубиной анализа множества историко-психологических источников; применением адекватных методов источниковедческого и историографического анализа; соотносением полученных в ходе диссертационного исследования результатов и выводов с

современными проблемами в изучении истории и теоретического наследия отечественной психологии советского периода.

Неоспоримым достоинством обсуждаемой работы является ее эмпирическая фундированность, о чем свидетельствует список литературы, включающий без малого тысячу источников. Подготовка данного списка и его доступность, благодаря публикации диссертации в сети Интернет, является важным вкладом в формирование открытой базы историко-психологических источников о развитии советской психологии, стимулирующей дальнейшие исследования в этой области. Кроме того, несомненным достоинством диссертации является увлекательное изложение результатов исследовательского поиска автора.

Структура работы включает введение, 7 глав, заключение, библиографический список; содержит 513 страниц; не содержит таблиц, рисунков и приложений. Список литературы составляют 994 источника, из них 69 – на иностранных языках.

В первой главе определяется *«Проблемное поле современной отечественной историографии истории советской психологии»*. Выделяются актуальные проблемы историографии и истории развития советской психологии, что шире, чем заявленная в диссертации проблема становления советской психологии. При описании «современных взглядов на советскую психологию и ее историю», автор старается представить весь спектр современных публикаций, но кратко, зачастую ограничиваясь названиями работ. Имеется противоречие между представлением более десятка значимых изданий постсоветского периода, «посвященных истории советской психологии», и авторским выводом о том, что за последние 30 лет «в отечественной историографии не появилось больших работ (монографий, диссертаций), в которых советская психология непосредственно выступала бы как объект всестороннего историко-психологического исследования» (с. 24).

Вторая теоретическая глава *«Конкретные источниковедческие и историографические проблемы изучения периода 1920-1930-х гг. истории*

советской психологии» имеет отношение непосредственно к заявленным проблеме и объекту исследования. Автором впервые на современном этапе ставится проблема введения понятий «советская психология» и «марксистская психология» в научный оборот, их соотношения, а также реконструируется история введения понятия «марксистская психология». Исследование этого вопроса путем анализа первоисточников – работ К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, Л.М. Шварца, Б.Г. Ананьева и С.Л. Рубинштейна – позволило установить, что замена широко использовавшегося на протяжении 1920-х гг. понятия «марксистская психология» на понятие «советская психология» произошла в начале 1930-х гг. Это знаменовало собой не только смену терминологии, но также постановку и последующее решение задачи построения «системы советской психологии».

Проведенный анализ позволил автору выделить три трактовки понятия «советская психология» – как идеологического («особая, марксистская наука»), в широком смысле («вся психологическая наука в СССР») и в узком, собственно научном смысле – как научного направления. И перейти к реконструкции становления советской психологии как научного направления. С этой целью был проведен анализ основных подходов к выделению направлений развития советской психологии. И сделан вывод о «невнимании исследователей, работающих в области истории советской психологии, к проблеме научных направлений и научных школ вообще и понятиям “научное направление” и “научная школа” (с. 114).

Также в главе 2 представляются результаты анализа словарных статей по психологии из первого издания «Большой советской энциклопедии». Таким образом автором вводится в научный оборот большое количество ранее неизвестных публикаций советских психологов 1920-1940-х гг.

Заканчивается глава выделением 11 принципов авторского подхода к изучению истории советской психологии. В целом, они соответствуют принципам современного историко-психологического исследования, систематизированным и обоснованным, прежде всего, Е.А. Будиловой и В.А.

Кольцовой. За исключением принципа, названного автором «активная история советской психологии», согласно которому советская психология выступает «в качестве субъекта исторического процесса» (с. 128). Это – принцип субъекта, обоснованный и реализованный в докторских диссертационных исследованиях развития, в т.ч. советской психологии, О.Г. Носковой (1998) и О.А. Артемьевой (2013). В диссертации эти субъектно-деятельностный и субъектно-уровневый подходы не представлены.

При определении требования разработки «концептуально оформленной истории советской психологии» предлагается рассматривать понятие «советская психология» в качестве научной категории. Вызывает сомнение возможность выделения такой категории.

В главе 3 *«Советская историография истории советской психологии»* и главе 4 *«Постсоветская и современная российская историография истории советской психологии»* проводится анализ основных особенностей, закономерностей и достижений в развитии советской психологии, а не только ее становления. Представляются малоизвестные и неизвестные обзорные и историко-психологические публикации и рукописи отечественных и зарубежных исследователей, посвященные развитию русской и советской психологии. Делаются выводы о том, что в советский период была сформирована историографическая «концепция», описывающая генезис, содержание и функционирование советской психологии как «особой науки». Определяются ее идеологические и научные составляющие. Далее, по результатам анализа работ, выполненных в постсоветский период, выделяется «концепция» истории советской психологии как «репрессированной науки».

Таким образом, проведенный анализ позволил автору предложить периодизацию историографии советской психологии. И сделать важные выводы, например, о том, что на рубеже 1980-х и 1990-х гг., в связи с начатыми в стране радикальными социальными реформами, ведущими российскими учеными были выделены конкретные задачи историко-психологического исследования. В частности, задачи: изучения роли социокультурных факторов

развития науки; введения истории русской психологической мысли во всеобщую историю психологии; осмысление негативных, ранее закрытых для изучения тем и др.

Результаты эмпирического исследования становления советской психологии представлены в главах 5-7. В главе 5 *«Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-е гг.: тенденция “от психологии субъективной к психологии марксистской”»* основное внимание уделяется научным дискуссиям. Проводится критический анализ содержания дискуссий, проходивших с участием, прежде всего К.Н. Корнилова, о значении марксизма и диалектического метода для психологии, «заочной» дискуссии между Л.С. Выготским и Г.И. Челпановым и др. Диссертант, оперируя значительным массивом публикаций, вскрывает противоречия в позициях участников дискуссий, прослеживает их динамику, дает историографические комментарии о представлениях советских авторов 1920–1960 гг. о данных дискуссиях, их деятелях и результатах.

Так, например, по результатам историко-психологической реконструкции «заочной» дискуссии по проблеме марксизма в психологии на основе анализа работы Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» и работ Г.И. Челпанова 1920-х гг. выявлена близость и даже совпадение их взглядов по отдельным принципиальным вопросам. Это позволяет автору рассмотреть разрыв между русской дореволюционной и последующей советской психологией, конкретными выразителями которых он видит Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского, как «преемственность, традицию, нечто общее, единое» (с. 320). Данный взгляд, по нашему мнению, является не только деидеологизированным, отличаясь новизной по отношению к позиции советской историографии, но и эвристичным для понимания основных результатов развития отечественной психологии в 1920-е гг.

Также заслуживает внимания вывод 4 о том, что марксистская психология, «противопоставляя себя субъективной психологии, на самом деле очень многое взяла от нее путем прямого наследования, а также в ходе

многочисленных дискуссий» (с. 345). Это обнаруживается в таких ее чертах, как: антиредукционизм, повышенное внимание к философским проблемам психологии, признание особой доказательной роли эксперимента и др.

В главе 6 *«Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-е гг.: тенденция “от психологии объективной к психологии марксистской”»* представляется ход и основные результаты научных дискуссий и конференций, посвященных вопросам развития объективной психологии. В контексте «воздействия государственной (партийной) идеологии на науку» представляется дискуссия о «теории новой биологии» Э.С. Енчмена. Прослеживается ход, основные особенности и результаты рефлексологической и реактологической дискуссий, а также первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека. Делается вывод, о том, что «как и в случае с субъективной психологией, становящаяся марксистская психология в ходе борьбы с объективной психологией» многое от нее унаследовала (с. 404). Это выразилось в таких ее особенностях, как: особое внимание к психофизиологической проблематике, выход на проблему деятельности и т.п.

В главе 7 *«Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1930-е гг.: тенденция “от психологии марксистской к психологии советской”»* представляется анализ основных достижений в развитии советской психологии. Констатируется значительный прогресс в решении фундаментальных и прикладных проблем. Прежде всего, в ходе подготовки таких фундаментальных работ, как: «Мышление и речь» Л.С. Выготского (1934), «Память и мышление» П.П. Блонского (1935) и «Основы психологии» С.Л. Рубинштейна (1935). Подчеркивается значение ликвидации педологии на государственном уровне в 1936 г. и фактического запрета метода тестов в ослаблении и затухании продуктивных тенденций развития науки.

По итогам знакомства с текстом диссертации у оппонента возникли следующие вопросы.

1. Почему в качестве объекта исследования называется «период 1920-1930-х гг. истории психологической науки в СССР», а не целиком история или «развитие советской психологической науки»?

2. Понятие «источник», выбранный для характеристики становления советской психологии в теме работы, дублирует понятие исторического «источника», которое также используется в тексте диссертации (напр., «основные источники исследования» на с. 9). Почему для этого не выбрано другое понятие, например, «когнитивные источники» или «основания» становления советской психологии?

3. Какие условия становления советской психологии были характерны для каждого из выделенных этапов?

4. Соотносимы ли стадии становления и развития коллективного субъекта советской психологии, выделенные в докторской диссертации О.А. Артемьевой (стадия предсубъектности в 1923-1931 гг.; стадия становящегося коллективного субъекта в 1932-1939 гг.; стадия развитого коллективного субъекта в 1940-1950 гг.), со стадиями, предложенными в защищаемой диссертации? Каков эвристический потенциал принципа субъекта для характеристики становления советской психологии?

В целом, считаю, что диссертационное исследование Богданчикова Сергея Александровича «Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.» является самостоятельной квалификационной работой, выполненной на необходимом научном уровне. В работе представлено решение фундаментальной научной проблемы – реконструкции становления советской психологии в 1920-1930-х гг. с современных научных позиций. Рассматриваемую диссертацию можно считать важным шагом в оформлении истории советской психологии как направления современного историко-психологического исследования, прежде всего, на базе Института психологии РАН. По результатам выполнения работы сделан значительный вклад в источниковую базу изучения советской психологии. Предложенное решение имеет важное значение для развития

истории отечественной и конкретно советской психологии, практическую значимость, связанную с преподаванием истории психологии и его учебно-методическим обеспечением.

Автореферат и публикации адекватно отражают основное содержание диссертации.

Основные результаты исследования отражены в 129 публикациях (общий объем 240,5 п.л.; авторский вклад – 165,2 п.л.), из которых 21 – из перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по заявленной научной специальности; 5 – индивидуальные монографии. Результаты исследования неоднократно представлялись на российских и международных научных конференциях.

Работа соответствует паспорту научной специальности 5.3.1. – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); удовлетворяет требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года с последующими редакциями и изменениями, ее автор – Богданчиков Сергей Александрович – заслуживает присуждения искомой степени доктора психологических наук по научной специальности 5.3.1. – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки).

Доктор психологических наук
(19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии»), доцент
профессор кафедры общей психологии
ФГБОУ ВО «ИГУ»

О.А. Артемьева